

ВЛАДИСЛАВ КРАПИВИН

ЛОЦМАН

Великий Кристалл

Владислав Крапивин

Лоцман

«Автор»

1990

Крапивин В. П.

Лоцман / В. П. Крапивин — «Автор», 1990 — (Великий
Кристалл)

ISBN 5-699-08620-X

Случайная встреча в трамвае, с которой начинается повесть «Лоцман», приводит к тому, что писатель Игорь Петрович Решилов пускается в странствие по сопредельным пространствам в сопровождении мальчишки-лоцмана Сашки Крюка.

ISBN 5-699-08620-X

© Крапивин В. П., 1990

© Автор, 1990

Содержание

Глава 1. Побег	5
1. Санитарный переулок	5
2. Развалины	6
3. На берегу	8
4. Развилка	10
5. Поезд «Пилигрим»	11
6. Давняя знакомая	13
Глава 2. Улица Пустырная	16
1. Тетушкин секрет	16
2. Овражки и Гора	18
3. Желтое небо	20
4. У костра	22
5. Старые книги	24
Глава 3. Проводник Сашка	29
1. Контракт	29
2. Спички и волчок	34
3. «Приличный ребенок»	35
4. Чиба	37
Глава 4. Сундук	39
1. Лампочка за окном	39
2. Отраженный мир	41
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Владислав Крапивин

Лоцман

Хроника неоконченного путешествия

Глава 1. Побег

1. Санитарный переулок

Утро было прекрасное, сверкающее. Только росы – чересчур. Я, когда пробирался сквозь кусты больничного сада, кряхтел и вздрагивал. Тренировочный костюм (он был у меня здесь вместо пижамы) промок, словно от дождика.

Я раздвинул в заборе две доски, подобрал живот и протиснулся на волю, в тихий Санитарный переулок. И сразу увидел милейшего Артура Яковлевича – главного, ведущего и руководящего специалиста нашей больницы. Какая холера принесла его в такую рань? Докторские очки заискрились иронично и доброжелательно.

– О-о!.. Доброе утро. Как вы себя чувствуете?

Я сказал искренне:

– В данный момент – как полсотни лет назад, когда впервые забрался в чужой огород, был замечен, зацепился лямкой за штaketник и повис...

Артур Яковлевич хохотнул, колыхнул таким же, как у меня, животиком.

– Ну, зачем же так. В вашем поступке нет криминала, утренний променаж даже полезен. Значит, он не догадался.

– Да, – подыграл я. – Маленький заряд бодрости для чахнувшего пенсионера.

– Какой же вы, батенька, пенсионер! Люди вашей профессии на пенсию, по-моему, вообще не уходят. Да и с возрастом вы пока не совсем дотянули.

– Дело не в возрасте, а в состоянии духа и тела...

– Дух – это сугубо зависит от вас. А что касается тела, то мы стараемся... И кажется, не без успеха.

Меня вдруг сильно царапнуло раздражение.

– Бросьте, доктор. Вы же знаете, что это неизлечимо.

– Голубчик мой... Все мы неизлечимы, если исходить из соображения, что всякий человек смертен.

– Вы прекрасно понимаете, что я не о том...

– А если иметь в виду «то»... Я уже объяснял вам, что острый процесс можно задержать и перевести в вялотекущее хроническое заболевание. Люди с этим живут и живут. И у вас есть все шансы дождаться правнуков...

– Ну-ну... Моей старшей внучке два с половиной года.

– Тем лучше для вас! – жизнерадостно воскликнул он.

– Пожалуй... – хмыкнул я. И согнул локти, приняв положение для бега трусцой.

– Только без перегрузок, Игорь Петрович, – с легкой тревогой предупредил доктор. – И недолго. Сегодня на обходе будет профессор Красухин, надеюсь, вы не опоздаете.

– Я тоже надеюсь, – ответил я светски. И надеялся в этот миг на обратное: что вижу ни в чем не виноватого Артура Яковлевича последний раз в жизни...

2. Развалины

Моя однокомнатная обитель оказалась в полном порядке. Даже грязная посуда была теперь вымыта. Кто-то, значит, приходил, прибирался. Возможно, Тереза...

Я переоделся (даже галстук надел), сунул во внутренний карман паспорт и все, какие были, деньги. Взял плащ и выволок из-за дивана свой «командировочный сидор» – объемистый портфель, в котором лежало все необходимое для многодневных поездок. В срочные командировки я давно уже не ездил, но по привычке держал «сидор» наготове.

Платком я стер с портфеля пыль, погладил, как кошку, свою старенькую пишущую машинку, на кухне закрыл потуже краны, вышел и, не оглянувшись, захлопнул за собой дверь.

Тут же из двери напротив юрко высунула голову соседка – остроноса, любопытная и молодящаяся старушка.

– Игорь Петрович! Как я рада! Вас выписали?

– Как видите, уважаемая Римма Станиславовна. Счастлив вас приветствовать...

– А у меня для вас целая груда почты. Всякие конверты из редакций! Заходите! А я чайку...

– К сожалению, весьма спешу. Бог с ней, с почтой... – Пустовато было у меня на душе. Но не печально. Бездумно...

– Только из больницы и сразу уезжаете куда-то. Ай-яй...

– Что поделаешь, работа. Специально отпросился у врачей пораньше, – скользил я со своим враньем, как по гладкому стеклу. – Рад был вас видеть...

– Что передать Терезе Владимировне, если зайдет?

– Что я нашел вас еще более похорошевшей.

Старушка расцвела, а я, прихрамывая, спустился на первый этаж и вышел во двор. У подъезда цвели яблони и каталась на трехколесных велосипедах малышня, по-летнему пестрая и голоногая. Уже припекало, день обещал быть очень теплым.

Я пересек двор и вошел в полуразрушенный, ожидающий сноса квартал. Здесь было тихо, только шуршали крыльями воробы. Кучи прошлогоднего мусора уютно покрывала свежая, яркая трава, в ней горели желтые огоньки мать-и-мачехи.

За остатками забора из кирпичных столбов и железных копеек стоял двухэтажный особняк с выломанными рамами и полуразобранной крышей. Он был сложен не из кирпича, а из чужого в здешних местах пористого желтоватого туфа. Я вошел в разоренные комнаты. Солнце било в оконные проемы. Стараясь не смотреть на зарисованные мальчишками обои, на битые бутылки по углам, я поднялся на второй этаж. Глянул в окно (заранее знал, в какое, не первый раз).

Кирпичные башенки с флюгерами на крыше соседнего дома, причудливая верхушка тополя, далекая белая колокольня, голубятня над забором, несколько чердачных выступов и край моста над рельсами пригородной линии привычно сложились для меня в рисунок нездешнего города. Безоблачная, чуть дымчатая синева за крышами и башнями напоминала туманное море, когда оно в отдалении встает вертикально, как стена... Я закрыл глаза.

Может показаться, что я занимался игрой, не свойственной солидному человеку. Но, во-первых, множество взрослых людей живет, веря в приметы и соблюдая спасительные ритуалы, только никому не признается в этом. А во-вторых, без такой «игры» я за последние годы не написал бы ни единой стоящей строчки... И кроме того, именно взрослый опыт постепенно убедил меня, что граница между игрой и настоящими делами, между сном и хитрой реальностью кристаллических граней часто не прочнее мыльной пленки. Иначе какой был смысл думать о Тетради?

Итак, я закрыл глаза и среди запахов заброшенного жилья и плесени, сухого мусора и свежей травы на пустыре различил и вдохнул запах нагретых солнцем южных камней – тех, из которых был сложен дом... И – оказался в храме.

3. На берегу

На самом деле этот разрушенный храм стоял на краю раскопок древнего черноморского города, и я был в нем всего один раз, давно и случайно. Однако теплого запаха камней было сейчас достаточно, чтобы вспомнить пористые глыбы песочного цвета, плавные закругления арок, выпуклые византийские кресты на фронтонах, пробитый лучами сумрак, тусклую смальту осыпавшихся мозаик и желтоватый мрамор колоннады. Не открывая глаз и оставаясь на месте, я в то же время быстро шагнул теперь к лестнице. И смотрел по сторонам.

В храме был обрушен купол, в сводчатых окнах не осталось переплетов и стекол. В проломе крыши я увидел очень синий зенит с волокнистым белым облаком. Но глянул туда я лишь мельком: смотреть надо было под ноги. Деревянная (видимо, временная, хотя и очень старая) лестница вела на галерею, которая тянулась вдоль стены на уровне второго этажа. Я поднялся и пошел по галерее. Слева были деревянные перила с балясинами (как на антресолях в старом купеческом доме), справа – стена с мозаичным узором из листьев и провалы окон, за которыми холмы с серой полыньей и море. Скоро я вышел на площадку с двумя колоннами. Солнце отражалось от дальней стены, и здесь был рассеянный прохладный полусвет.

Сколько мне лет? «Полсотни с большим хвостом»? Или двадцать? (Ничего не болит, и в мускулах под загорелой кожей веселая упругость.) Или я уже совсем мальчик, как в недавних больничных снах? Не знаю, сейчас я не вижу себя. Я вижу картину, висящую низко над полом.

Не решаюсь назвать ее иконой. Скорее всего, это просто портрет. Видимо, копия (а возможно, и подлинник) итальянского или голландского мастера. Какого – не знаю, никогда не видел репродукций. Это Мать со своим Мальчиком. Она, в зеленом платье и полупрозрачной накидке на волосах и плечах, сидит облокотившись на низкий, высвеченный солнцем подоконник (а за окном – размытые в знойной дымке горы и убогие домики Назарета). Лицо у нее молодое, но не такое молодое, не полудетское, как часто бывает у изображений Мадонны. Спокойными светло-кариими глазами она смотрит перед собой, но каждой клеточкой тела, каждым нервом льнет к Сыну, словно любовью своей и тайной тревогой хочет окутать его, как силовым защитным полем, заслонить от грядущих бед.

А Мальчик ее – уже не дитя на руках у мамы, как мы привыкли видеть на многих картинах «Мадонна с Младенцем». Этаким непоседа лет восьми, тощенький, загорелый, с искорками в синих глазах. Мятая холщовая тряпица обернута вокруг бедер, на коленке подсохшая ссадина, в руке корявая палка (небось от сухой смоковницы). Верхом на этой палке он, наверно, только что скакал с приятелями по плоским крышам и каменным ступеням. И вдруг спохватился, примчался к маме: «Ну что ты, я не так уж и баловался. Вот он я, ничего со мной не случилось». Встал рядом, щекой прижался к ее плечу. На лице – еще не остывший задор игры, но тут же и ласковость, и капелька виноватости... А позади этих чисто ребячьих настроений и чувств заметна, прячется легкой тенью, таится в зрачках недетская задумчивость. Ибо Мальчик ведает будущее. И свое, и других. И знает, что маме оно тоже предсказано.

«Ничего... Не бойся...»

Но сейчас они прервали свой молчаливый разговор и смотрят на того, кто подошел к ним. Смотрят с пониманием и без упрека, хотя никто из проходящих не бывает без вины.

Я, встав на колени, лбом касаюсь гладкой некрашеной рамы – от нее пахнет еловой смолой.

«...Простите меня, и пусть простят меня те, кого я оставляю: у меня ведь тоже нет обиды на них, просто пришел час пути... И на этом пути, который мне еще остался, дайте капельку радости и спокойствие души. И... если можно... пусть я найду то, что ищу...»

Что-то греет мне левую щеку. Это рядом с картиной на низком кованом кронштейне висит лампадка из гладкого синего стекла. Похожая на чернильницу-непроливашку, с какой я

когда-то бегал в школу. В ней на поверхности масла качается круглый огонек (сквозь стекло он кажется голубым). Я окружаю хрупкую посудинку ладонями, не касаясь стекла. Тепло от огонька нарастает, пушисто щекочет ладони; значит, огонек набрал силу... Я снова трогаю лбом пахучее дерево еловой рамы. И будто слышу тихое: «Ладно уж, иди». Так говорила мама, когда я отпрашивался на речку или в ближний лес.

Я поднимаюсь – легкий, счастливый, сбросивший весь ненужный груз. Вся моя ноша на плечах – выцветшая майка, замшевые помочи да невесомость десяти неполных лет жизни. Прямо с площадки, от возникшей рядом с картиной открытой двери, уходит вниз каменная лестница. Я кидаюсь в радостное пространство солнца, знойных трав и морского горизонта – прямо грудью в упругий приморский воздух. По ступеням, по крутой тропинке с холма. Шипастые шарики высоких сорняков чиркают по ногам, стертые подошвы сандалий скользят по перламутровым осколкам ракушек мидий, устилающим тропинку. Еще немного, и там – вырубленная в скалах лесенка, а под ней узкий галечный пляж, заваленный бурыми мочалками водорослей, по которым прыгают стеклянные морские блохи... Ногами – дрыг, дрыг, и сандалии летят в стороны. Дернуть плечами, чтобы слетели лямки, перепрыгнуть через упавшие с ног тирольские штанишки, майку – долой через голову! И сразу, чтобы не калечить ступни на скользких подводных камнях, – бултых пузом! А потом несколькими гребками – в синезеленую, кусающую мурашками глубину, где качаются размытые пятна медуз. Это будет сейчас, сейчас!

...Но нет, не все так просто в жизни. Я замедляю бег.

4. Развилка

Я замедляю бег.

И вот уже, опять взрослый, страдающий от жары и сомнений, с плащом на локте и тяжелым портфелем у ног, стою перед серым камнем. Он похож на громадный плавник. Торчит на развилке тропинок.

Никакой надписи на камне, конечно, нет. Но все равно он здесь неспроста. Не впервые он у меня на пути. И сколько раз я поворачивал направо, к морю! Может быть, и сейчас?

«И что дальше? – безжалостно спрашиваю я себя. – Пять минут ребячьей радости. А потом?»

«А потом... я вернусь и пойду налево...»

«Не получится. Потому что пляж и море – это короткий сон, после которого ты опять очнешься на больничной кровати и увидишь пыльный белый потолок с трещинами...»

«Нет! Я же ушел оттуда...»

«...А дорога налево – это всерьез... Минутное счастье детского сновидения и долгий путь наяву не соединить...»

Я стою опустив голову. Желтая, с седыми волосками гусеница ползет снизу по моим брюкам, прямо по стрелке. Вот ведь глупая, выбрала дорогу... А как вообще выбирают дорогу? Мы сами ее выбираем или судьба?

«Ты сам выбрал... И огонек разгорелся – значит, правильно».

«Огонек мог и не знать, куда я поверну от камня. Просто подсказал: иди и выбирай...»

«Вот я и выбираю... Может, все-таки пойти окунуться?»

«Ох, не надо...»

«Ага... «Не пей, Ванечка, из копытца, в козленочка превратишься...» А может, в этом и есть главный смысл: превратиться в козленочка и прыгать бездумно и радостно...»

«А как же разгадка Горы? А Книга?.. А Тетрадь?..»

«Ничего этого нет, – насупленно говорю я себе. – По крайней мере, Тетради...»

«Как знать... А главное, наверняка есть Причал. И *там* ты все равно вернешься к морю...»

«Если дойду», – вздыхаю я про себя. Сухим стеблем сбрасываю гусеницу. Иду, сутулясь, к бетонному капониру на обрыве. Это остатки береговых укреплений времен последней войны. Полуоткрытая ржавая дверь вросла в кремнистую землю. Я протискиваюсь в полумрак, в запах сырого бетона и железа. Прикрываю ладонью глаза. Сейчас я опущу руку и окажусь на старом месте: в разрушенном особняке.

Так и есть. Рваные обои, битое стекло. Но за окном – как награда и обещание радости – ветка яблони, вся опушенная цветами. А в ладонях еще хранится тепло огонька. И я вдруг вспоминаю (я всегда это знал, но почему-то в последнее время выпало из памяти), что есть простое и верное начало пути.

Надо на трамвае доехать до Центрального рынка, там сесть на другой трамвай – старую, дребезжащую «тройку» – и через десять минут окажешься у кольца. Там тихо, между шпалами растут осот и подорожники. От этого кольца отходят несколько пригородных веток – на озеро, на электростанцию, на садовые участки. А есть еще одна – по ней трамваи давно не ездят, рельсы заржавели. По этой ветке надо пойти пешком, и скоро... скоро будет то, о чем знают немногие. А может быть, никто не знает, кроме меня!

5. Поезд «Пилигрим»

По ветке с поржавевшими рельсами я шагал минут пятнадцать. Она тянулась между серых кривых заборов, за которыми, как и в городе, густо белел яблоневый цвет. Потом заборы разошлись. Слева оказался луг, а справа – заросшее болотце. А рельсы сделались блестящими. У края полотна я увидел шест с прибитой фанеркой, на ней чернели буквы:

Ст. Начальная

Не было ни навеса, ни скамейки. Я сел на валявшийся в траве разошедшийся бочонок. Из бочонка неторопливо вышла серая, размером с голубя птичка – с хохолком и на высоких ножках. Посмотрела очень умно: «Ждешь? Ну, жди, жди...» – словно что-то про меня знала.

– Кис-кис, иди сюда, – сказал я, хотя это было глупо. Лучше бы уж «цып-цып». Но птичка не удивилась и не обиделась. Превратилась в серого котенка. Я тоже почему-то не удивился. Хотел дотянуться и погладить, но котенок шмыгнул в траву. Наверно, испугался гула рельсов и пыhtенья. Из-за кустов показались старинного вида желто-красные вагончики.

Это был не трамвай. Во-первых, нигде над вагонными крышами не торчала дуга (да и проводов над рельсами не было). А во-вторых, вагончики толкал маленький, будто в детском парке, паровоз. Пыльно-зеленый, но с начищенной, как духовой контрабас, трубой. По красному лаку вагонной стенки тянулись витиеватые, словно в старинном журнале «Нива», буквы:

Туристический кооператив «Пилигримъ»

Раньше такого не было. (А вообще – что *было*?)

Паровозик выпустил из-под круглой топki пар, от которого пригнулись верхушки молодого бурьяна. Вагоны остановились, и я забрался в ближний по откидным ступенькам. Опустил в стеклянную кассу пятнадцать копеек (так требовала надпись на стекле), оторвал длинный розовый билет и сел у окна. В вагоне было пусто. Блестели новым желтым лаком сиденья – одноместные, сколоченные из реек стульчики. Между ними тянулся широкий проход... Я поднял раму с пыльным стеклом. Поехали. Я высунул голову и тут же убрал: вдоль пути потянулись деревья, ветки разлапистых кленов заскребли по вагону.

Этот славный, игрушечно-самоварный поезд бежал резво, посвистывал, дребезжал, потряхивая себя на стыках. По вагону летала бабочка, похожая на солнечный зайчик. На соседнем сиденье катался туда-сюда забытый кем-то красно-белый рыбацкий поплавок. Поезд ехал без остановок минут двадцать, потом начал останавливаться очень часто. Входили пассажиры: дядьки с садовыми лопатами, бабки с корзинами, юная компания с магнитофоном, который они, впрочем, тут же выключили. Вагон заполнился. Я отвернулся к окну. Там по-прежнему были клены и трава...

– ...Молодой джентльмен мог бы, наверно, уступить место пожилой особе...

Я вздрогнул. Это я молодой джентльмен? Увы, особа смотрела не на меня. Рослая старая тетка (в длинном сером пальто и старинной шляпе с сеткой и бисером) обращалась к мальчику. Тот сидел от меня наискосок, я видел над спинкой его плечи в потертой школьной курточке, давно не стриженные песочного цвета волосы и сильно загорелую щеку. Такие светловолосые, с тонкой белой кожей мальчишки быстро загорают под весенним солнцем... Даже сквозь загар заметно стало, что мальчик покраснел. Торопливо завозился.

– Ой, да садитесь, я просто не заметил...

– Благодарю. – Старуха шумно втиснулась на его место, подобрала подол, придвинула к сиденью свой багаж – сундучок, окованный узорной жостью.

Мальчик в это время сделал шаг в сторону. И зацепился штаниной за острый угол сундучка.

– Ох! – всполошилась старуха. – Ты порвал брюки!

– Да чепуха!..

– Ну как же... Это из-за меня!

– Да наплевать, – сказал мальчик с явной досадой, потому что на них оглядывались. – Они все равно старые.

– И все-таки! Если ты сойдешь на остановке «Старый мост», мы можем зайти ко мне, я быстро заштопаю...

– Нет, я еду дальше. Да вы не волнуйтесь...

«Старый мост... Старый мост...» – отдалось во мне. Значит, правда? Вот и начал завязываться узелок...

В этот момент поезд опять остановился, заблестело за окнами озеро, вагон сразу опустел на две трети. Мальчик остался. Но он не сел ни на одну из освободившихся скамеек, ушел на заднюю площадку – подальше от заботливой старухи.

– Как досадно, – басовито сказала она. Оглянулась, встретила со мной глазами (знакомыми такими, темно-коричневыми и совсем не старческими), обиженно отвернулась и притихла.

У меня застучало сердце. Не то чтобы я очень волновался, но пришла *пора*. Я перебрался на сиденье позади старухи, сказал вкрадчиво:

– Прошу прощения... Вас зовут Генриетта Львовна?

6. Давняя знакомая

Она обернулась. Неторопливо, но с заметным удивлением.

– Генриетта Глебовна...

– Извините. Я мог и ошибиться, столько лет прошло...

– А собственно, в чем дело, сударь? – величественно спросила старуха.

Но нет, не могу я называть ее просто старухой. Это была старая, но еще крепкая и, без-условно, интеллигентная дама. Свою интеллигентность она иногда разбавляла нарочитой простоватостью, но это было приятное сочетание. Так же, как на ее лице, где мясистый пористый нос доброй тетушки сочетался с тонким ртом и аристократическим подбородком, какие можно видеть на портретах восемнадцатого века...

– Итак, сударь, чем вас привлекла моя персона?

– Догадкой, сударыня. Мне показалось, что в разговоре с мальчиком вы руководствовались не только желанием зашить ему брюки, но и надеждой, что он поможет вам нести сундук.

– Вы проницательны... – В глазах Генриетты Глебовны зажглись насмешливые точки. – Но в таком случае позвольте быть проницательной и мне: вы сходите у Старого моста и хотите выполнить роль мальчика?

– Вы не ошиблись, – светски улыбнулся я. Но ощутил вдруг глухое волнение. Словно темная вода колыхнулась в глубоком колодце... Неужели все это происходит на самом деле?

– Очень мило с вашей стороны. Однако чем я обязана такой любезности? – Генриетта Глебовна глянула пристально.

Я передохнул.

– Совпадением... Почти полсотни лет назад я ехал в поезде, похожем на этот. И по этому же пути...

– Но тогда вы были, наверно, ребенком!

– Да, стриженный под «полубокс» мальчик в ковбойке и сандаликах... Мальчик в те дни открыл дорогу в Овражки и очень любил бывать там... И вот в вагон вошла дама с сундучком и в тех же выражениях, что и сегодня, напомнила мальчику о правилах хорошего тона. Мальчик стал выбираться с сиденья, зацепился за сундук...

– ...и порвал брюки.

– Я был в заграничных замшевых штанишках и до крови расцарапал ногу. Это вас... то есть даму очень расстроило. Она уговорила мальчика сойти у Старого моста и отправиться к ней домой для «мазанья йодом и бинтования». Мальчик согласился (исключительно, чтобы не выглядеть трусом) и по дороге помог тащить сундучок.

– Он не тяжелый, пустой... Я возила его в мастерскую, потому что испортилась музыка в замке.

– В тот раз вы сказали так же!

– Гм... Но, полагаю, выглядела я тогда несколько иначе?

– Полагаю, что да, – в тон ответил я. – Но... для десятилетнего мальчишки все взрослые, кому за двадцать, кажутся пожилыми.

– Увы, мне было тогда уже за тридцать.

«Тем более!» – чуть не брякнул я. Но осторожно сказал о другом:

– Тем более, что я не настаиваю. Как принято говорить, «может, мальчика-то и не было...». Не исключено, что все это – плод моего воображения. Или выкрутасы отраженного мира...

Она не удивилась. Кивнула снисходительно:

– Возможно, что и так... По крайней мере, я не помню такого эпизода...

– А я помню отчетливо. Вернее, представляю... Как мы пили чай с маленькими рогами, как потом я еще несколько раз забежал к вам в гости на Пустырную улицу... Вы ведь жили тогда на Пустырной?

– Признаться, и сейчас живу...

Мы вышли на станции, похожей на дачный павильончик. По замшелому каменному мосту перешли бурливую речку Окуневку – она виляла среди зеленых откосов. И зашагали по улице Тележной мимо палисадников, двухэтажных контор и кирпичной аркады торговых рядов прошлого века. Сейчас под арками ютились фанерные киоски и овощные прилавки.

Было, как и дома, тепло и солнечно. Яблони не попадались, но зацвела сирень. Я нес на плече плащ, в левой руке – свой «сидор», а в правой – сундучок. Держал его за медную витую ручку, приклепанную к горбатой крышке. Сундучок и правда был не тяжелый.

Генриетта Глебовна шагала рядом с сундучком. Глянула на меня и заметила:

– Вы идете уверенно. Видимо, и правда помните дорогу.

– Я многое помню... Например, вашу лампу со стеклянным зеленым шаром. И картину, на которой мальчик тянется к сундучку... похожему на этот.

– С ума сойти... Лампа разбилась тридцать лет назад!

– А картина цела?

– Да... Но... Откуда вы все это знаете? Мне даже страшно, – заявила она. Впрочем, без всякого страха. В голосе ее мягко перекачивались граненые камушки. – Я начинаю подозревать...

– ...уж не злодей ли я, не рэкетира ли какой-нибудь или, может, домушника, пожелавший втереться в доверие?

– Увы...

– Нет, Генриетта Глебовна, у меня другая профессия. Хотя, по мнению некоторых, не менее романтическая и прибыльная.

– Какая же... э... Простите, ваше имя-отчество?

– Игорь Петрович.

– Игорь Петрович и...

– Решилов, – вздохнул я.

Тут она по-настоящему засмушалась:

– Простите, а... возможно, это совпадение, но... последний номер журнала «Огни», там портрет и...

– Да, Генриетта Глебовна, да, – обреченно сказал я. Потому что куда деваться...

– Как замечательно! – Она даже зарумянилась. – Ваши «Лунные эскадроны» у меня на полке. Я их читала пять раз...

Ох как не хотелось мне об этом.

– Бог с ними, с «Эскадронами». Давняя вещь...

– А сейчас? Тоже над чем-нибудь работаете?

Фу ты, умная вроде бы женщина, а как обалделая девица на конференции «Встреча с писателем». Неужели даже здесь от этого не уйдешь?

– Сейчас вот не работаю, как видите. Путешествую...

– Память детства, так сказать, да?.. Еще один источник вдохновения?

– Будем считать, что так, – буркнул я.

Она, кажется, застыдилась своей дурацкой умиленности. Сказала уже по-иному, пряча за суховатостью смущение:

– Но, увы, я все-таки не могу припомнить ваших детских визитов...

– Я ведь и говорю: самому кажется иногда, что я в детстве просто придумал ваш городок... Мне нравилось бывать здесь, потому что столько загадок... И еще потому, что маль-

чишки тут никогда не приставали, не дразнились. На любой улице брали в игру как своего. Один раз я заигрался допоздна, и вы оставили меня ночевать. И сами позвонили маме, чтобы не волновалась...

– Да? Возможно... Видите ли, я уже в то время сдавала комнаты приезжим и у меня перебивало столько людей. И взрослых, и детей... А память в мои годы, сами понимаете...

– Ну, какие наши годы, – сказал я глупо и галантно.

– Ах, Игорь Петрович, вы не учитываете разницу...

– А сейчас вы не сдаете комнаты? – напрямик спросил я.

– Гм... изредка. Через турбюро. Если скромное домашнее жилье вы предпочитаете гостиничному люксу...

– Предпочитаю, – вздохнул я. – Весьма...

Глава 2. Улица Пустырная

1. Тетушкин секрет

Генриетта Глебовна Барнаву (такая вот у нее фамилия) всю жизнь проработала акушеркой и была знаменита в своем городке Овражки. Даже когда она стала пенсионеркой, ее часто приглашали помогать и консультировать при трудных родах. Это я узнал от нее, когда мы шагали к дому.

Жила Генриетта Глебовна одна, в приземистом доме из двух комнат, кухни и прихожей. Мне она отвела комнату, где висела картина. Та самая, с мальчиком. Я так и сел перед ней, словно вернулся в давние-давние годы. Или в свой детский сон.

Картина – в резной деревянной раме с облезлой бронзовой краской – была узкая, но большая в высоту. Пожалуй, метра два. Написал ее, безусловно, талантливый художник.

Солнце на картине косо, желтым лучом, падало из-за просвеченной насквозь салатной портьеры, освещало высокий ореховый комод и мальчика, который тянулся к сундучку, стоявшему на краю комода. Мальчик был виден сбоку и со спины. Было ему лет восемь-девять. Судя по одежде, «довоенный» мальчик или даже «дореволюционный». И явно не из богатых. Голубая полинялая матроска порвалась на локте и лопнула под мышкой, на черном чулке, на щиколотке, дырка. Каблуки сбиты. Левый чулок съехал на потертый ботинок с пуговками, и видно было, как напряглась мальчишкина нога, он ведь стоял на цыпочках. Растопыренными пальцами он уперся в край окованной крышки и толкал ее вверх. Сумел приподнять на вершок, а дальше – никак. Не хватало роста. И заглянуть в сундучок он не мог – слишком высоко...

Лица мальчика не было видно, только щека, просвеченное солнцем ухо да зажженные лучом на макушке очень светлые волосы – они были давно не стрижены и косичками падали на матросский воротник. И я вдруг вспомнил мальчишку в вагоне, тот был с такими же светло-песочными отросшими прядями.

Мне почему-то казалось, что название у картины – «Тетушкин секрет». Мальчик приехал к старой тетушке в гости и наконец-то выбрал минуту, чтобы разрешить давнюю и жгучую загадку: что у тетки в старинном сундучке? В натянутой мальчишечьей фигурке ощущались все чувства, которые испытывал любопытный племянник: и досада, что не догадался подставить стул, и страх, что кто-нибудь вот-вот войдет, и – в то же время – сладкая тяга к тайне. Хотя, если трезво подумать, какая там тайна? Скорее всего, письма тех времен, когда тетушка была курсисткой или гувернанткой...

– Сейчас я накрою стол и угощу вас своим фирменным чаем. Я делаю его с мятой... Вы что-то задумались, а?

– Смотрю на этого мальчика, словно на старого знакомого... Замечательная картина. Так и кажется, что у нее какая-то непростая история.

Генриетта Глебовна встала рядом, покивала:

– Ее писал друг моего отца, очень способный молодой человек. К сожалению, он так и не стал известным, погиб в четырнадцатом году при первом наступлении немцев... А мальчик – мой старший двоюродный брат, Андрюс.

– Кажется, прибалтийское имя...

– Да, в нашей семье многие из Литвы. Андрюс жил в Шяуляе и, увы, тоже погиб. В тридцатых годах. Он стал летчиком и разбился во время тренировочного полета, когда готовился с друзьями к перелету через Атлантику... Смелый был мальчик.

Грустно сделалось. Будто не в далекие времена погиб Андрюс, а недавно. И не взрослый летчик в мундире литовских ВВС, а вот этот мальчуган в костюмчике с якорями...

Чтобы прервать неловкое молчание, я заметил:

– А сундучок... он, кажется, тот самый? Семейная реликвия, наверно?

– Да, еще моей бабушки... Ну-с, умывайтесь, через пять минут попрошу к столу...

Когда мы пили чай (и правда замечательный, со всякими душистыми запахами), Генриетта Глебовна поинтересовалась:

– Ну, а какие же ваши планы, если не секрет? Чем собираетесь заняться в наших тихих Овражках?

– А никаких планов. Буду просто бродить, вспоминать...

– Ох, да ведь и заплутать можете. Городок небольшой, а столько *всякого*. Старожилы говорят: «Бабка Дар-Овражка водит...» Была здесь в позапрошлом веке такая хитрая знахарка, Дарья Овражкина. Говорили, ведьма...

– Ну, как-нибудь найду с бабкой общий язык...

– Кто знает... Я вот что вам предлагаю! У меня есть сосед, мальчик Костя. Очень славный. Если хотите, я попрошу, он поводит вас по городу, покажет самое интересное...

Я почему-то не решился отказаться. И сперва подсадовал на себя за это, а потом подумал: «Может, к лучшему...»

Костя оказался тоненьким и высоким, бледно-рыжеватым подростком. Вежливым и неулыбчивым. Спросил, куда бы мне хотелось пойти сначала.

«Ну, что ж, – сказал я себе. – Давай, старик...»

– Видишь ли... – Я глянул в упор. – В Овражках я не заблужусь и один, не впервой... Я хочу в Гору. Если ты из тех, кто знает дорогу.

Он не дрогнул, не удивился.

– Туда каждый знает дорогу. Только что там интересного? Впрочем, как вам угодно. Если не возражаете, я зайду за вами через полчаса.

2. Овражки и Гора

Я ждал Костю на улице, у ворот.

Была середина дня, и день этот сделался уже не просто теплым, а жарким. Но здесь, на Пустырной, было прохладно: улица лежала в тени обрыва. Обрыв – большущей высоты и крутизны – поднимался позади дворов. Местами он зарос, а местами – голая глина. Из глины торчали лохматые громадные корни, словно щупальца каких-то подземных осьминогов. Домики и заборы цепью тянулись по границе тени – в один ряд. Улица была односторонняя. На другой стороне – заросшие кашкой лужайки, канавы и буераки, здесь паслись козы. Наверно, потому и Пустырная, что рядом с пустырями. А может, еще потому, что здесь пахнет травой пустырником, настойкой которого, говорят, лечат от излишних волнений сердце.

Я с удовольствием разглядывал покосившиеся, но все еще красивые крылечки, резьбу на карнизах и на столбах ворот. Это были не только традиционные узоры – солнышки, складки с кистями и виноградные кисти. Иногда попадались деревянные лица, словно здесь поработал итальянский кукольный мастер. Смотрели на меня потрескавшиеся маски с носами-клювами, торчащими подбородками и широкими ртами. Я помнил их с детства и в те давние годы был уверен, что выражение этих масок время от времени меняется. Особенно по ночам.

Впрочем, и сейчас я в этом почти не сомневался...

На солнечных пустырях млела от солнца трава и рассыпали трескотню кузнечики, а во дворах словно затаился вечер. Я знал, что если подойти вплотную к обрыву, то там вообще сумерки. Пахнет влажным травяным настоем и сырой землей... Подняться на обрыв можно было по лестнице на другом конце улицы, а можно и прямо со двора, цепляясь за корни и стебли. Когда-то я так и делал...

Наверху был парк – неухоженный, с пустыми павильонами и киосками, с высохшими фонтанами и травяными джунглями. Он всегда казался мне очень таинственным... Но все же парк на обрыве – это не главное. Гораздо больше меня интересовали другие обрывы – настоящие горы. Они поднимались за пригородным лугом и видны были прямо отсюда, с улицы...

Здесь надо сказать о рельефе этих мест. Кажется, что в древние времена тут расстилась зеленая равнина, по которой однажды пошли трещины. Они разбили равнину на плоские неровные многоугольники. Одни из этих многоугольников остались на прежнем уровне, а другие под давлением земных сил поднялись. И получились возвышенности с крутыми склонами и ровными плато наверху. Одно такое плато возвышалось над Овражками, которые лежали на низкой равнине (ее пересекали трещины поменьше, из них получились овраги – отсюда и название).

Что там наверху, на плоскогорье, из города было не видеть. Но я знал: *что-то* есть. Что именно, в городе не говорили, как не говорили и о многих других странностях (например, почему до полудня улица Сухарная ведет к мосту через Черный овраг, а после двенадцати – в заброшенный Гнилой переулочек, где никто не живет, но зимними вечерами все же светятся окна; так оно есть с давних времен, вот и все).

Однажды мальчишкой я попробовал подняться на плато. Как ни высоки были обрывы, казалось все же, что задача мне по плечу. Ну, что там метров двести – триста! Вскарабкаюсь... Однако на половине высоты я понял, что этот путь не для прогулок. Грозное ощущение опасности остановило меня на рыхлом глинистом карнизе. Я оглянулся и чуть не заревел от испуга – таким маленьким, лежащим далеко внизу оказался город Овражки... Обрывы с плоскогорья, которые назывались одним словом «Гора», так и не открыли мне свою загадку. Я пристыженно полез вниз.

Впрочем, я не испытывал тогда особого огорчения. Наоборот, сладко замирала душа оттого, что совсем недалеко существует тайна, похожая на придвинувшийся к привычной

жизни чужой материк. А кроме того, я скоро узнал (почувствовал, увидел во сне, догадался по намекам и слухам), что главная загадка не *на Горе, а в Горе*. Будто бы там какой-то особый мир. Целая подземная страна.

Эта страна с бледно-золотистыми, закрывающими каменные своды облаками не раз мне снилась потом, во взрослой жизни. И особенно в последнее время, в больнице. Причем непонятным образом она увязывалась в этих снах с Тетрадью. Хотя, при трезвом размышлении, никакой связи быть не могло...

При таком размышлении *вообще ничего* быть не могло. С точки зрения здравого смысла и реальности я сейчас должен был проглотить кучу разноцветных таблеток, подставить известное место под шприц медсестры Зои, а потом лежать у зашторенного окна, покорный властному режиму послеобеденного тихого часа. И слушать, как сыто похрапывает сосед по палате Альфред Афанасьевич, работник исполкома... И как по левой ноге, а потом вдоль позвоночника крадется пока еще тихая, щекочущая боль...

Сейчас боли не было. И, мельком отметив это, я снова стал размышлять о Горе. Ощущение близкой тайны прошло по мне мурашками, как в детстве. Словно я был мальчик Андрюс и тянулся к старому сундучку...

Неужели и правда есть что-то *такое* в толщах Горы?

Костя ведь говорил, обещал проводить. Хотя как-то странно говорил, скучно... Впрочем, поглядим.

3. Желтое небо

Костя, как и обещал, явился через полчаса.

– Ты так и полезешь в Гору? – удивился я.

Он был в отглаженных кремовых брюках, в белой рубашке.

– Видите ли, – отозвался он, – после нашей прогулки я собираюсь зайти в школу, там у нас собрание по поводу окончания учебного года.

«Прогулка»? Это в Гору-то? Я туда собрался, как в экспедицию, надел вместо костюма тренировочные штаны, клетчатую рубашу, фляжку нацепил на пояс. Мне даже неловко стало. Но спорить и расспрашивать я не решился.

Мы прошли всю Пустырную, спустились в овраг, на дне которого журчал мутный ручей, протопали через мостик. У оврага было ответвление, оно-то вскоре и привело нас на луг со многими тропинками. Уже зацвел розовый иван-чай, чиркал меня по локтям и штанинам. И по Косте. Но тот ухитрился оставаться аккуратным и отглаженным, как в городском саду. Он шел впереди и время от времени вежливо предупреждал меня:

– Осторожно, здесь ямка... Не зацепитесь за колючки...

С полчаса мы шли через луг, и наконец бурые обрывы нависли над нами. Сделались такими высокими, что клочковатое облако казалось зацепившимся за изломанный край.

Костя ввел меня в проход между неровными стенами из темно-рыжей, с торчащими корнями глины. «Вот здесь-то ты, голубчик, и перемажешься», – подумал я с легким злорадством, хотя это было и нехорошо. Но Костя легко перешагивал через корни, ловко уклонялся от сыпучих струек глиняной пыли и оставался по-прежнему без пятнышка. И я зауважал его.

Костино хладнокровие и его уверенность, что под Горой нет ничего особенного, дали себя знать, я уже не ощущал волнения. Шел, как на экскурсию, и радовался лишь тому, что не болит нога и нет обычного послеполуденного головокружения...

Но когда отвесные стены сошлись над нами и образовали сумрачный свод, ожидание тайны опять щекотнуло меня.

– Слушай, а мы ведь не взяли фонарик...

– Это ни к чему, там довольно светло.

«Значит, в самом деле? Не так уж там все обыкновенно?»

Скоро проход раздвинулся, замаячил впереди свет. Еще несколько шагов, и... Я остановился. Потому что открылось мягко освещенное пространство. Лежащая в скалах долина была словно озарена прошедшими сквозь неплотные облака вечерними лучами. Казалось, что в воздухе рассеяна бронзовая пыль. Я глянул вверх: каменных сводов не было видно за желтоватым туманом, будто и правда над нами полупасмурное предзакатное небо. Может, через толщу плоскогорья пробивался в какую-то щель настоящий солнечный свет?

Перед нами лежало каменистое поле с жесткой и высокой, но редкой травой. Из травы поднимались похожие на идолов камни (а может, и правда древние идолы?). Слева и справа пространство терялось в таком же тумане, что и каменная «крыша». А впереди стояла ребристая скальная стена, гребень ее тоже не был виден за невысокой облачностью.

До стены оказалось недалеко – шагов сто. Когда мы подошли к ней совсем близко, путь нам перегородила речка с темной спокойной водой, через которую просвечивал песок. Ширина была метров семь. К ближнему берегу приткнулось тяжелое бревно, мокрое и скользкое на вид. Костя поднял из травы кривую палку, сказал «я сейчас», встал на бревно, оттолкнулся палкой от дна и, чуть балансируя, – весь такой красивый, хладнокровный – поплыл через речку. Видимо, он слегка пижонил, но что ни говори, а был он смелый и ловкий парнишка.

У того берега темнел связанный из нескольких бревен плотик. Костя прыгнул на него. Приплыл на плотике ко мне.

– Вставайте, он выдержит...

Мы переправились. И оказалось, что дальше идти некуда. Всюду – соединившиеся в стену уходящие в высоту утесы.

– Вот и все, – сказал Костя. – Ничего особо интересного здесь, как видите, нет. Конечно, если бы горсовет нашел спонсоров, образовал здесь филиал краеведческого музея или турбазу... А пока – вот...

Конечно, зря он так. Любопытного здесь было много. И сам небывало громадный грот, и таинственное свечение тумана, и гранитные камни-идолы... Но я стеснялся показывать интерес при этом аккуратном и правильно мыслящем мальчике. Словно взрослым был он, а мальчишкой – я... Впрочем, и самому мне стало ясно, что не нашел я того, что искал. Конечно, удивительное место, но все же не было здесь той сказочности, того обещания тайн, которыми я томился в детстве... Да и быть, конечно, не могло.

Мы вернулись. Когда поднялись из лога, Костя вежливо попрощался, я так же вежливо поблагодарил его. И он ушел в своей очень белой рубашке и отглаженных, ни единой пылинкой не испачканных брюках. Я с уважением и невольной робостью посмотрел ему вслед. Ни в детстве, ни во взрослой жизни не хватало мне такой прочности сознания, такой уверенности...

4. У костра

Я пошел наугад по тихим улицам, зная, что так или иначе попаду на Пустырную, если буду двигаться к обрыву. Прохожих почти не было, только на пологом травянистом спуске меня обогнали двое мальчишек с дребезжащей детской коляской. Мальчишки были в жилетках, сделанных из потрепанных школьных курточек, и таких же штанах, обрезанных и разломаченных у колен. В коляске они везли макулатуру.

Скоро я вышел на широкую лужайку, за которой начиналась Пустырная. На лужайке горел оранжево-дымный костер, а точнее – брошенная в траву и подожженная автомобильная шина со щепками в центре. У костра никого не было, зато неподалеку – шум и гвалт. С десятков ребят (многие в таких же нарядах, как хозяева тележки) кого-то прижали к стене сарайчика. Я торопливо захромал и подошел. Там руками и ногами отбивался от всех светлоголовый мальчишка. Мне показалось – тот, которого я видел в вагоне. Но точно не скажешь, лица его я тогда не рассмотрел. Зато сейчас разглядел хорошо. Волосы песочного цвета были растрепаны, желто-серые глаза блестели гневными искрами. Пухлые, в трещинках губы раздвинуты, а зубы стиснуты, словно мальчик сжал в них горячий уголек.

Его старались ухватить за руки, за плечи, за одежду, но он отмахивался яростно. Потом крикнул:

– Ну, чего надо?! Я вас трогал?!

– За ноги, за ноги его! – зазвенела чья-то команда.

– Вовка, сделай аркан из ремня! На лапу ему!..

– Эй, молодежь! – громко окликнул я. – Не слишком ли много на одного? Что-то не по-рыцарски.

Они разом остановились. Заоборачивались. Разгоряченные, веселые. Совсем не такие, как их пленник. Самый старший – славный такой, ясноглазый парнишка, совсем не похожий на хулигана – сказал, словно загораживая остальных:

– А что такого? Мы же играем!

– Ничего себе игра! Вон как налетели на беднягу, отбивается из последних сил...

Мальчик-командир пожал плечами:

– Все сперва отбиваются. Такое правило... Чтобы веселее.

Смуглый мальчишка с черными глазами-шариками (один из тех, что везли тележку) слегка испуганно объяснил:

– Он же сам пришел...

– Я не пришел, а просто шел! По делу! – крикнул от бревенчатой стены пленник. – А вы как пираты!.. Рукава отрывать!

– У всех отрывают. Раз праздник... – пискнул кто-то позади остальных.

– Ничего себе праздник, – сказал я.

– А что! – улыбнулся старший. – Каждый год так. Когда каникулы начинаются, мы тут дневники жжем и школьные рукава и штаны обрываем, потому что лето.

– Потому что форма во как надоела, – сиплым баском разъярил стриженный «под огурчик» лопоухий толстячок. Одна штанина была у него обрезана выше колена, вторая над щиколоткой. Старший мальчик опять сказал:

– Это обычай такой. А вы, наверно, не здешний...

– Я тоже не здешний, – ошетиненно откликнулся взъерошенный пленник. – А вы как коршуны...

– Ну и ты не цыпленочек, – примирительно улыбнулся старший. – Вон сколько времени отбивался героически. За такое дело орден полагается... Эй, у кого ордена?

Ему дали звезду из фольги и канцелярскую скрепку. Расступились. Пленник подозрительно следил, как предводитель мальчишек прицепляет ему звезду к оттопыренному клапану нагрудного кармана. Все почему-то смущенно замолчали.

– Ну вот... а теперь иди, если хочешь, – вздохнул командир.

Среди мальчишек была девочка. Длинноногая, в цветастом платье и черном школьном переднике, из которого был дерзко вырезан кривой треугольник. Она сказала чуть нараспев:

– Мы ведь не знали, что ты здесь случайно. Извини нас, пожалуйста.

Мальчишка оттолкнулся спиной от бревен, однако не ушел. Потоптался, оглядел ребят – исподлобья, но уже не сердито.

– А обычай этот... он только для здешних или кто хочет?

Ребята радостно завопили, что праздник – для всякого. Потому что в школе мучились все одинаково! И замолчали опять. Бывший пленник коротко посопел, заулыбался, рывком расстегнул и скинул куртку.

– Ёшкин свет! Ладно, рвите!

Тут же опять случилась веселая свалка. Под вопли «ура» и треск материи вмиг отлетели оба рукава. Лопухий толстячок и смуглый мальчик торжественно отнесли их к костру и бросили в огонь. Новичок, весело дыша, натянул опять куртку, ставшую жилеткой. Старательно прицепил к карману оторвавшуюся звезду.

Девочка выжидательно защелкала сверкающими портновскими ножницами.

– А штаны тоже?

– Валийте! Все равно они старые, вон даже клочок вырван.

Я вспомнил сундучок и мальчика в вагоне.

Девочка села на корточки и в два счета отхватила обе штанины ниже колен. Потом спросила благожелательно:

– Может, зубчики сделать? По-американски...

– Ага, сделай...

Ножницы опять защелкали, синие матерчатые треугольнички посыпались мальчику на кроссовки.

– А дома тебе не влетит? – озабоченно спросил толстячок.

– Ёшкин свет! Раньше надо было спрашивать!.. Ладно, скажу: зато орден получил.

Все засмеялись, а старший поинтересовался:

– Тебя как зовут?

– Сашка...

Про меня забыли. Я отошел, сел на валявшийся в траве пластиковый ящик. Сашка в обстриженных зубчиками штанах весело крутанулся на пятке. Теперь он, в расстегнутой жилетке и клетчатой рубашке, с разлохмаченной светло-желтой головой, был похож то ли на маленького юнга со старой норвежской шхуны, то ли на фермерского мальчика из Оклахомы.

– Давайте через костер скакать! – закричал кто-то из ребят. – Кто дальше прыгнет, тому тоже звезда!

– Да огонь-то низкий! Чего тут прыгать!

– А мы привезли горячее! – Смуглый мальчик с приятелем лихо подкатали тележку и вывалили макулатуру в двух метрах от костра. Большую кучу. Среди вороха конторских бумаг, папок и газетных пачек мелькнули черные корешки с позолотой.

5. Старые книги

Я быстро встал. Подошел.

– Ребята, можно взглянуть?

– Пожалуйста! – щедро сказал старший мальчик.

Первое, что я выудил, был толстенный том «Семейного университета» Комаровского, лекции историко-филологического цикла. Издание Вольфа, конца прошлого века. Затем – четыре книжки в бумажных обложках – собрание сочинений Куприна, 1912 год. Обалдеть... А еще пятый том сочинений Головнина с очерками о деятельности Русско-Американской компании и, наконец, увесистое издание «Апокрифы христиан» с примечаниями и комментариями, напечатанное в 1913 году почему-то в провинциальной Калуге. Сроду не слыхал о таком.

А в довершение всего – несколько подшивок старинного «Военно-исторического вестника» и «Отечественных записок».

– Люди, вы варвары, – жалобно сказал я. – Но вы – варвары по незнанию. А кто дал вам все это для сожжения?

– Наша библиотекарьша в школе, – заявил смуглый хозяин коляски. – А чего? Говорит, они давно списаны, никому не нужны, место занимают...

– Скажите вашему директору, пусть переведет ее из библиотекарей в уборщицы... Хотя нет, уборщице тоже необходим какой-то интеллект.

– Значит, вам их надо, эти книжки? – догадался старший мальчик. И даже обрадовался: – Тогда забирайте! А то и правда жалко, они же книги все-таки...

– Да уж заберу с вашего позволения. На костер вам и без того хватит...

Я уложил свои находки в стопу. Получилось – ого сколько!

Мальчишки оставили меня. Подбросили бумагу в огонь и один за другим с хохотом и воплями – марш, марш через костер. Потанцуют на траве, потрут ужаленные искрами ноги и снова... Новичок Саша тоже ловко скакнул туда-сюда. Но потом остановился, стал смотреть, как я вожусь со своим грузом.

– А вам далеко это нести?

– Порядочно. В тот конец Пустырной.

– Да?! – почему-то обрадовался он. – Мне туда же. Давайте помогу!

– Буду весьма благодарен. А то и не знал, как быть... Давай мне под мышки эти журналы, а книги бери себе...

– Уже уходишь? – сказала Сашке девочка.

– Пора...

– Приходи еще, мы тут всегда играем, – предложил юркий, похожий на мышонка мальчишка.

– Ага...

И мы пошли. Сашка шагал чуть сбоку и впереди. Тащил пачку книг перед собой, как охапку дров. Походка у него была с чуть заметным пританцовыванием. На незагорелой ноге темнела подсохшая царапина.

– Мне тебя сама судьба послала, – сказал я. – Мы с тобой даже в одном вагоне ехали сюда.

Он оглянулся:

– В пилигримском?

– Да...

– Ну, тогда это не судьба, а контора «Пилигрима». Это они меня сюда направили. На дежурство... – Разговорчивый оказался мальчонка.

– Что за дежурство? – спросил я, чтобы поддержать беседу. Да и в самом деле любопытно: какие дела у такого пацаненка с кооперативом? Было моему спутнику лет одиннадцать.

Та пора, когда мальчик делает первый шаг к состоянию, которое называется неуклюжим и казенным словом «подросток».

– Это работа такая, – отозвался Сашка. – Школа ее за летнюю практику считает... И деньги платят.

– Ишь ты!.. Наверно, что-то купить задумал?

– Ага. Велосипед «Стриж». С аккумулятором и моторчиком. Сперва крутишь, накапливаешь энергию, а потом на электричестве едешь... У него спицы так здорово блестят, и он стрекочет, будто стрекоза крыльями...

Мне понравилось такое сравнение. И вообще нравился Сашка. И как он храбро отбивался, и как потом без всякой обиды по-приятельски сошелся с ребячьей компанией. И как мы сейчас дружно, в одном ритме шагали с увесистыми книгами.

– Не тяжело?

– Не-е...

– Выручил ты меня...

Он не оглянулся, но я почувствовал – улыбается.

– Вы ведь меня тоже выручили. А то чуть до драки не дошло... Я сам виноват, перепугался...

– Оно и понятно, раз не здешний... А что ты делаешь на своем дежурстве?

– Вызова жду. Я проводник.

– Какой проводник? В поезде?

– Да нет, – засмеялся он. – Ну, с туристами. Вроде гида.

– И получается?

– Ага. Я уже прошлым летом водил студентов. И зимой...

У меня хрустнуло в ноге, отдалось в затылке. Сразу затуманило голову. Ох как не вовремя! Неужели начинается?..

– Эй, проводничок! Давай-ка посидим...

Мы сели на лавочку у приземистых ворот. Я затылком сильно надавил на забор. Чтобы боль от твердого дерева прогнала ту, внутреннюю. Сашка сбоку беспокойно глянул на меня.

– У вас голова кружится, да?

– Пустяки. Это бывает... Не страшно...

«Ох, если бы «не страшно»...»

Сашка смотрел очень внимательно. В глазах – смесь пепельного цвета с лимонным соком. И дрожащая капелька испуга. Светлые брови сошлись над коротенькой прямой переносицей. Мягкая, в дольках, как у мандарина, нижняя губа жалобно оттопырилась и шевелилась.

– Ничего, – выдохнул я и улыбнулся. – Сейчас пройдет...

И правда прошло. Боль угасла, тяжесть в темени растаяла, тошнота пропала. И я снова понял, какая хорошая улица Пустырная, какой славный город Овражки. Фиг вам, Артур Яковлевич, неделю я как-нибудь продержусь.

– Просто устал немного. Посидим еще минуты две...

– Ладно, – согласился Сашка. Провел пальцем по книжному корешку и спросил: – А что такое «Апокрифы»?

– Это... Видишь ли, в древности написано довольно много книг о жизни Иисуса Христа. Называются «Евангелия». Но церковь признает лишь четыре из них...

– Знаю! От Луки, от Иоанна... От этого... от Марка! И еще от Матвея...

– От Матфея...

– Ну да! У бабушки были... Я к ней ездил, когда она жива была, и читал... Правда, не все... Мне еще девять лет было... А кое-что она мне своими словами рассказывала. А вот эти... «Апокрифы», они, что ли, незаконные считаются?

– Ученые богословы говорят, что в них очень много фантазии и мало реальных фактов... Ну и в самом деле! Скажем, Евангелие от Фомы о детстве Иисуса... В нем вроде бы и детали интересные, игры описаны, всякие житейские случаи, но непонятно делается: разве мог такой жестокий мальчишка, о котором там рассказывается, стать Учителем всеобщего добра?

– А почему он жестокий... там?

– Такие случаи приводятся... Толкнул его соседский мальчик – и умер. Пожаловались на него люди родителям – и ослепли. Ну и многое другое... Не вяжется это с тем, что было дальше...

– А кто этот Фома?

– Трудно сказать. Некоторые считают, что один из учеников Иисуса. Помнишь, был такой Фома Неверующий...

Сашка шевельнул бровями. Подумал.

– Выходит, он тоже предатель? Как Иуда? Раз написал такое... – И глянул требовательно, не по-детски даже.

– Нет, что ты! Во-первых, скорее всего, автор – не он. Просто приписали ему это сочинение. А во-вторых... у автора своя задача стояла: показать, что Иисус с детства был грозным и всемогущим божеством... Конечно, здесь ничего общего с христианством. Но тем не менее «Фому» этого верующие читали. Потому что в официальных Евангелиях о детстве Иисуса очень мало. Из мальчишеских лет – один только эпизод: как в Иерусалиме отстал от родителей, увлекся беседой с мудрецами в храме...

– Ага, я помню.

– Ну вот... А людям-то все интересно было знать про Христа. И про то, как он маленький был, тоже...

Сашка опять быстро глянул на меня.

– А вам... тоже интересно, да?

Мне хорошо было с Сашкой. Спокойно так, ласково и – никакой неловкости. И не казалось в тот момент странным, что говорю со случайно встреченным мальчишкой о таком вопросе.

– Признаться, да, – сказал я. – Интересно. Очень... Как у мальчика в захолустном, выжженном солнцем городке просыпается мысль о необходимости Великого Служения людям. Желание спасти всех. И понимание, что сделать это можно ценой своей жизни... Знал ли он уже тогда, что его ждет?.. Была у меня даже нахальная мысль написать повесть «Мальчик из Назарета».

Сашка выпрямился, вытянул шею, глянул на меня так, будто я в марсианина превратился.

– А вы умеете?!

– Что?

– Ну, это... писать повести...

– Приходилось, – признался я. Не хотелось выкручиваться, раз уж дернуло за язык.

– Ёшкин свет, вот это да... – сказал он шепотом. – А вас... как зовут?

– Игорь Петрович.

– Ну... на книжках ведь так не пишут.

– На книжках, – вздохнул я, – пишут «И. Решилов»...

Сашка округлил пухлые губы, выпустил сквозь них воздух и даже малость обмяк. Спросил недоверчиво:

– Это, значит, «Стеклянные паруса», да?

– «Значит». Куда деваться...

– Ёшкин свет! И «Клипер «Колдун»?

– Читал, что ли?

– А что ли, нет!.. А это правда вы?

– Чтоб мне провалиться!

Я клятвенно прижал к груди ладонь. И в этот миг хлипкая подгнившая лавочка крикнула и осела в траву. Книжки посыпались, мы с Сашкой вскочили. Я почему-то перепугался, как дитя. Завопил жалобно и всерьез:

– Но это правда я! Честное слово!

Сашка от смеха взялся за живот, сел в подорожники. Потом свалился набок, перекатился на спину и хохотал, взлягивая торчащими из зубчатых штанов ногами. Стонал и взвизгивал. Меня тоже одолел смех. Как зараза. Мы хохотали, пока не ослабели. Тогда Сашка, охая, поднялся, а я сказал, вытирая глаза:

– И все-таки это в самом деле я...

Мы собрали книжки. И пошли дальше, все еще подрагивая от остатков смеха и переглядываясь. Но вот наконец Сашка взглянул на меня без веселья и спросил озабоченно:

– А вот в книжке «Станция Желтый Гном»... Тот мальчик, Валерка... он погиб, когда бросился навстречу поезду? Или все-таки живой остался?

Такой вопрос мне задавали сотни раз. И я отвечал, что решать должен сам читатель – в зависимости от того, как он понял книгу и как вообще смотрит на жизнь. Но сейчас я сказал:

– Конечно, остался жив. Недаром же станция наконец открылась людям и был общий праздник...

– Я так же говорил ребятам в классе, а они спорили! Дразнились даже... Игорь Петрович, вам в какой дом?

– Номер три. Там я поселился... Вот мы уже пришли.

– Ой... – Сашка остановился. Подбородком прижал качнувшуюся стопку книг. Глянул с нерешительной радостью: – Значит, это вы делали заявку?

– Какую?

– На проводника!

Я почему-то смутился.

– Нет, голубчик, не делал я... Честное слово.

– А у меня адрес. Этот самый.

– Разве в заявке не указано, от кого она?

– Мне только адрес дали... Значит, не вы? – Сашка заметно огорчился. – Наверно, в конторе напутали.

– А может, здесь еще какой-нибудь турист живет? Давай спросим у хозяйки. Кстати, вот она... – В открытую калитку было видно, как могучая Генриетта Глебовна снимает с веревки высушенное белье. В своем широком длинном платье она была похожа на снятый с церковной башни колокол.

– Ёшкин свет! Это ведь та тетка! Которая в вагоне...

– Она самая. Ну и что?

– Боюсь я с такими разговаривать. Очень уж они... воспитывать любят. – Сашка отодвинулся от калитки.

– Ну храбрец... – Я положил к его ногам журналы. – Постой здесь, а я выясню, что к чему...

Генриетта Глебовна бодро приветствовала меня. Я галантно перехватил у нее охапку простыней и наволочек. И сообщил, что на улице повстречался с неким молодым человеком.

– Он проводник из «Пилигрима» и утверждает, что у него вызов по этому адресу.

– Это я! – обрадовалась Генриетта Глебовна. – Я им позвонила на всякий случай. Потому что, когда вы с Костей ушли, я подумала и поняла: не то получается. Он хороший мальчик, но с вами общего языка не найдет. Слишком здравомыслящий...

– Гм... А я с ветром в голове...

– Нет-нет! Но творческой личности вроде вас нужен специалист. Тот, который угадывает ваши желания и ведет, куда вас зовет внутренний голос...

«Господи, это Сашка-то специалист? По внутреннему голосу... Мне бы самому знать, куда этот голос меня зовет...»

Генриетта Глебовна объяснила:

– Заявка ни к чему вас не обязывает... Проводник приходит, вы знакомитесь. И если понравились друг другу, подписываете договор. А если нет...

– Кажется, мы понравились друг другу. По крайней мере, он мне. Но он же... совсем еще кроха!

– Что поделаешь. Эти способности зависят не от возраста, а от природы. Вот и приходится туристической конторе привлекать ребятишек... Кстати, где он, этот ваш знакомый? Давайте белье и ведите мальчика в дом...

Глава 3. Проводник Сашка

1. Контракт

Мы втащили книги, и Сашка предстал перед Генриеттой Глебовной. Робко сказал «здравствуйте», потупился. Почесал каблуком ногу рядом с царапиной.

– Здравствуй, здравствуй... Мы, кажется, уже знакомы?

– Ага. Маленько.

– Контракт с собой?

Сашка торопливо полез под жилетку, вытянул из-за пазухи плотный, вчетверо сложенный лист. Изрядно помятый.

Генриетта Глебовна развернула документ.

– Игорь Петрович, усаживайтесь и ознакомьтесь.

Я устроился у стола. Генриетта Глебовна шумно дышала надо мной. Сашка притих в сторонке. На листе было напечатано:

«Контракт»

Гр. (прочерк), именуемый в дальнейшем «Клиент», и правление туристического кооператива «Пилигрим», именуемое в дальнейшем «Фирма», заключают соглашение о следующем:

1. Фирма предоставляет Клиенту проводника сроком на 7 (семь) суток для сопровождения по маршруту, обусловленному программой или договоренностью между Клиентом и проводником (ненужное зачеркнуть).

2. За оказанные услуги Клиент вносит на счет Фирмы плату из расчета 10 (десять) руб. 90 коп. за сутки. Необходимую сумму следует заплатить до начала маршрута.

3. Срок маршрута исчисляется с момента подписания контракта.

4. В случае прекращения маршрута по вине проводника или Фирмы, а также по уважительным причинам (заболевание Клиента, несчастный случай, стихийное бедствие и т. п.) Фирма возвращает плату за неиспользованный срок.

5. В случае предъявления Клиентом обоснованных претензий в адрес проводника Фирма возвращает сумму полностью.

6. Проводник обязуется сопровождать Клиента по обусловленному заранее маршруту, в пределах туристских схем данного региона.

7. Клиент обязуется не требовать от проводника выхода за обусловленные маршруты, а также услуг, не входящих в непосредственные обязанности проводника.

8. Клиент и проводник обязуются относиться друг к другу с взаимным уважением и в случае возникновения разногласий прилагать усилия для устранения их на основе взаимного соглашения.

Примечание 1. Если проводник является несовершеннолетним, Клиент берет на себя обязанности по его питанию, устройству на ночлег в гостиницах и пансионатах и обязуется не допускать переутомления проводника на маршруте. Клиент не должен брать несовершеннолетнего проводника на кино

– и видеосеансы, не рекомендованные детям до 16 лет, и не побуждать его к поступкам, способным нанести вред здоровью или воспитанию.

Примечание 2. В вышеуказанном случае (проводник – несовершеннолетний) ежесуточная плата Клиента сокращается до 8 (восьми) руб. 70 коп.».

Слева стояла подпись-закорючка (в скобках – «А. Игнатъев») и круглая печать, в центре которой – человек с рюкзаком и посохом. А справа было место для подписи клиента и даты. А также для подписи проводника (с примечанием: «Писать разборчиво»).

Генриетта Глебовна басовито сказала у меня над головой:

– Однако же и суммы дерет наш любезный «Пилигрим». С каждым годом все больше... – Она оглянулась на Сашку.

– А я-то что! – жалобно возмутился «несовершеннолетний проводник». – Нам всего по три рубля в день платят. Ну, иногда еще премия... Только редко.

Я вспомнил о велосипеде, который «стрекочет, будто стрекоза крыльями». И понял, что язык не повернется сказать: «Не надо мне проводника»... Да и почему не надо? Может, все идет именно так, как задумано! («Кем задумано? Я никогда не думал о проводнике!») Может, не случайно свела нас судьба?..

Но с другой стороны, малыш ведь. Если что случится...

Генриетта Глебовна, видимо, поняла меня. Посоветовала:

– Да не бойтесь. Подгорье – это же недалеко.

– В Подгорье я уже был. С Костей...

Сашка чуть обиженно сказал от двери:

– Вы, наверно, только в предбаннике были, у речки. А там ведь еще столько всего... Но надо развертку знать.

Я обернулся.

– А сам-то ты не против? Идти со мной...

– Не-а, не против. – Он заулыбался.

– Со старым и скрипучим...

– Ёшкин свет! Какой же вы скрипучий!

– Ты что это так ругаешься! – строго пробасила Генриетта Глебовна. – Что за «Ёшкин свет» у тебя на языке!

– А чего... – струсил Сашка. – Это и не ругательство даже. Это поговорка. Вроде как «нечистая сила»...

– Ах, поговорка!...

– Да, приободрился он. – Это будто место такое поминается, где Баба Яга живет. Бабка Ёшка, значит. Даже песня такая есть в одном мультике! «Пой частушки, Бабка Ёшка, пой – не разговаривай»...

Я достал ручку, подмахнул контракт.

– Ладно, «Бабка Ёшка», иди расписывайся...

Сашка откровенно обрадовался, засветился весь. Водя языком по губам, старательно начертал: «Ал-др Крюк».

– Слушай-ка, Ал-др, это у тебя фамилия такая – Крюк? – заинтересовалась Генриетта Глебовна.

– Ага... А что? – Сашка насторожился.

– А маму как зовут?

– Вера Николаевна. А что?

– Да ничего, встречались, кажется... А папа – Виктор?

Сашка отвел глаза, сказал неохотно:

— Да. Только они развелись.

– Ох, ну извини... Игорь Петрович! Вы в дорогу, наверно, с утра отправитесь? А проводничок пусть перебирается к нам прямо сейчас. А то знаю я эти пилигримовские общежития. Туристы всю ночь на гитарах бренчат, да еще небось и водку пьют... А я хоть покормлю по-человечески.

Сашка опять обрадовался. Он уже не робел.

– Я только бумагу в контору отнесу и сумку там заберу...

– Игорь Петрович, а деньги вы дайте мне, я пойду на почту насчет журналов выяснять и уплачу заодно...

Сашка вернулся в сумерках. Я уже начал тревожиться. Генриетта Глебовна грозно его спросила:

– Это где же ты гулял, голубок?

Сашка не испугался. Весело объяснил, что сперва ждал в конторе диспетчера, а потом забежал на пустырь, поиграть.

– С теми ребятами, у костра, помните, Игорь Петрович?

Генриетта Глебовна погрозила толстым пальцем:

– Ты смотри у меня, проводник Александр Крюк...

Сашка полусуто надулся:

– Ну вот, опять дразнилки из-за фамилии. Всю жизнь...

– Какая же это дразнилка? Наоборот! Очень даже звучит, – утешил я его. – Просто как «Александр Блок». Блок – это ведь тоже приспособление, чтобы тяжести поднимать, а как услышишь фамилию – сплошная поэзия в душе. – И я даже процитировал подходящие для проводника строчки:

Случайно на ноже карманном
Найди пылинку дальних стран —
И мир опять предстанет странным,
Закутанным в цветной туман...

Сашка не удивился.

– Знаю.

– Читал Блока?

– Мама читала. Она этого Блока любит...

Сашка говорил, поглядывая на картину «Тетушкин секрет», и выкладывал из синей спортивной сумки на подоконник мыльницу, зубную пасту, полотенце. Потом брякнул коробком.

– А спички-то тебе зачем? – забеспокоилась Генриетта Глебовна.

– Для работы, – серьезно сказал Сашка. – Не для курения же... Мама сама положила, а то я всегда забываю...

Генриетта Глебовна вздохнула, как добрая бабушка:

– Не боится мама отпускать тебя?

Сашка засопел, заперекладывал мыльницу и зубную щетку.

– Ну да, «не боится». Каждый раз такое... «Прощание славянки»... Завтра позвонить надо, что все в порядке.

– Позвони, позвони... Идемте ужинать. А потом я постелю проводнику на раскладушке. Игорь Петрович, не возражаете, если в вашей комнате?

Я не возражал.

Когда легли, Сашка сразу начал тихо посапывать. Я тоже стал засыпать, удивившись напоследок, какой длинный и необычный был день. И вдруг услышал:

– Игорь Петрович...

– Что, Саня?

– А вы ту книжку, про мальчика из Назарета... написали?

Сон стек с меня, как темная вода.

– Нет, Саня, не написал.

– А почему?

– Честно говоря, побоялся.

– Потому что религию раньше запрещали, да?

– Нет, что ты... Во-первых, жизнь Христа – это ведь не только религия. Это история, философия и масса всяких общечеловеческих тем... А испугался я только себя. Почуял, что пороку не хватит. Начал и отложил...

– Побоялись, что будет еще один апокриф?

Эк ведь он меня! Почти в точку... Но я не обиделся.

– Понимаешь, Саня, я не сумел. Пока писал просто про его детство: про игры, про школу, про родителей и приятелей, вроде бы получалось. А как доходило до главного... Тема Великого Служения не каждому по зубам. У самого-то у меня в детстве таких мыслей, разумеется, не было...

Я теперь будто не с Сашкой, а с собой говорил. В полумгле. Вполголоса. Но он расслышал. И сказал сбивчиво, тихо:

– Но в детстве ведь... наверно, каждый про какой-нибудь подвиг думает...

– Наверно. Только тут не о подвиге речь, а о любви к людям и о желании спасти *всех*... Знаешь, я мог бы написать, если бы постарался. И возможно, повесть напечатали бы, поскольку времена меняются. Но это была бы еще одна средненькая книжка. И многие сказали бы, что автор спекулирует на модной теме. Сейчас это не редкость... Давай, Саня, спать.

– Ладно, – покладисто сказал он. И вдруг попросил (я даже почувствовал в темноте, как он жалобно поморщился): – Только не называйте меня Саней, хорошо? Сашка – вот и все. Я с рождения привык...

– Ну, если с рождения... А у меня тоже просьба, – начал я и прикусил язык. Потому что получилось бы слишком резко.

Но он понял:

– Больше не лезть с разговорами о книжках, да?

«Так тебе и надо, старому идиоту!» Я объяснил виновато:

– Видишь ли... как говорится, я с этим делом «завязал».

Раскладушка отчаянно заскрипела.

– Почему?!

– Как тебе сказать... Сашка. Наверное, все чернила израсходовал, которые были отпущены.

– Ох уж... – недовольно выдохнул он.

Мне вдруг стало чертовски стыдно. Зачем я ною перед мальчишкой? Разве он обязан слушать излияния, которые и самому-то мне противны?.. И все равно он не поймет, что получилось просто несовпадение сроков: «баллончик в авторучке» опустел раньше, чем кончилось календарное время. Оно протянулось усилиями мудрого Артура Яковлевича, которому честь и хвала, но о котором я сейчас не хочу вспоминать. Ни о чем не хочу. Я – человек без имени, беглец в свою последнюю сказку...

– Вы отдохнете в отпуске, а потом все равно за новую книжку засядете, – утешил меня Сашка.

«Я не сяду за книжку, если даже захочется. Потому что не успею ее закончить... Да и какой смысл? Она все равно была бы не лучше прежних... Вот если бы найти Тетрадь...»

Но Сашке я сказал:

– Все может быть... Спи.

2. Спички и волчок

Когда я проснулся, Сашкина раскладушка была застелена, сам он сидел на полу. Уже одетый, но босой. Раскладывал на половицах спички, соединял их в ромбы и звездочки. Потом провел над этими фигурками ладонью. Некоторые спички встали торчком, а две подскочили и головками прилипли к ладони.

– Ого... – удивился я.

Сашка вздрогнул, обернулся.

– Доброе утро, – сказал я.

Сашка ответил без улыбки:

– Доброе утро... Мы, кажется, рано подписали контракт.

– Что такое?

– Ну, потому, что сегодня в Подгорье не пройти. Я считал, считал, не получается развертка. Можно только завтра.

– Подумаешь, беда какая, – сказал я с облегчением. – Завтра так завтра. Сегодня по Овражкам погуляем. Найдем чем заняться...

Тогда Сашка заулыбался.

– Ага! Тут тоже много всякого, интересного...

– А над чем это ты колдуешь?

– Я же говорю: пространственную развертку смотрел...

– Это что же, способ такой? Со спичками?

– Ну, вообще-то нас по-разному учили. А это я сам придумал. Никакого компьютера не надо. Лишь бы волчок слушался.

– Что за волчок?

– А вот! – Сашка показал картонный кружок, проткнутый заостренной спичкой. – Смотрите! Я в какую сторону его запускаю? Запомните... – И он крутнул спичку двумя пальцами. Легонький волчок затанцевал на половице. Конечно, он вертелся по часовой стрелке. Я так и сказал.

– Ага... А теперь глядите... – Сашка сомкнул над волчком ладони, не касаясь его. Я свесился с кровати, оперся рукой об пол. Сашка развел ладони – медленно, осторожно. Волчок замедлял бег. И крутился теперь... против часовой стрелки. Это стало особенно ясно, когда он упал на бок и покатился.

– Вот так фокус...

– Вовсе не фокус! Просто меняются координаты совмещенных пространств... Игорь Петрович, вы вставать будете? А то Генриетта Глебовна уже два раза спрашивала...

Батюшки, десятый час! Я дернулся под одеялом и выругал себя за то, что спал без пижамы. Сейчас будет неловко перед Сашкой за свой живот, длинные трусы и жидкие волосатые ноги. К счастью, заглянула в дверь Генриетта Глебовна.

– Игорь Петрович, встава-ать!.. А ты, юноша, помоги-ка мне притащить воды от колонки...

3. «Приличный ребенок»

Во время завтрака мы договорились, что прежде всего пойдем с Сашкой на рынок. Там, помимо всяких других, есть книжный ряд. Генриетта Глебовна сказала, что иногда попадаются редкие издания, а случается, что и рукописи. И глянула на меня с пониманием, словно о чем-то догадывалась.

Сашка проворно и без всякой просьбы хозяйки помог ей убрать со стола и вымыть посуду. За это удостоился благосклонных улыбок и похвал. Но когда он сказал, что пора, пожалуй, отправляться в путь, Генриетта Глебовна подбоченилась и саркастически спросила:

– Ты что, таким чучелом и пойдешь?

– А чего?.. – Сашка надул губы. – Не в театр же...

Мне в общем-то было все равно, как выглядит мой проводник, но из педагогических соображений я поддержал Генриетту Глебовну:

– Мы не только на рынок пойдем, но и в книжные магазины. Это заведения интеллигентные, а ты – как флибустьер...

Сашка встал в забавную позу марионетки: сдвинул носки кроссовок и коленки, растопырил пятки и локти, заболтал повисшими кистями рук. По-птичьи, одним глазом, оглядел себя сверху вниз.

– Кошмар-р, – дурашливым, как у Буратино, голосом согласился он. – Хорошо. Сейчас буду умненький-благоразумненький. И кр-расивый. Аж пр-ротивно... – Повернулся на пятке и ускакал на одной ноге.

Генриетта Глебовна засмеялась:

– Ох, не соскучитесь вы с таким проводником.

– Чую...

Сашка появился через несколько минут – причесанный, в новом летнем костюмчике из некрашеной льняной ткани. Я вспомнил, что лет двадцать назад такой же костюм Тереза купила для Дениса, когда мы собирались в поездку по Волге. Сыну эта одежда очень понравилась: не мнется, пыль на ней незаметна, после дождя материя высыхает в пять минут. Дениска в этом наряде и в песке валялся, и в воду прыгал, а тот все как новый. Лишь одно раздражало Дениса: желтые пластмассовые пуговицы на шортиках, они были пришиты снизу по бокам, по две с каждой стороны. Сын хотел было их отрезать, но мать отобрала ножницы и хлопнула по рукам: «Что за фокусы! Это фасон такой...» – «Детсадовский фасон...» – «Ты мне порассуждай!..»

В конце концов Денис примирился с пуговицами и привык их крутить в пальцах при разных случаях жизни. Стоит надувшись перед матерью, получает очередную словесную взбучку и вертит пуговицы с двух сторон. Или, наоборот, в приступе прыгучего настроения крутнет их до отказа, как регуляторы скорости, взлягнет тонкими ногами – и помчался!.. Он был маленький, остроглазый, смуглый, не похожий на Сашку. Но сейчас я все же малость вздрогнул...

Мальчишечья мода за двадцать лет, видимо, не изменилась. На Сашкиной курточке (или рубашке навывпуск) я даже увидел такую же, как у Дениса, нашивку: синий кружок со спортсменом-лучником и желтыми буквами по краю. Буквы эти – мальчишечье имя. Нашивку старались подобрать, чтобы имя соответствовало. Кому-то везло, кому-то нет. Денису повезло. А Сашке?.. Я пригляделся. Да, у него так и было вышито: Сашка.

Генриетта Глебовна тоже присмотрелась.

– Это что же, твое официальное наименование? Не Саша, не Саня, не Шурик, а... именно так?

– Ага... – Дурашливая нотка опять зарезвилась в голосе у Сашки. – Но все равно я очень воспитанный и примерный. – Он сжал губы бантиком, взялся (как Денис) за пуговицы и повертел ногой в новом желтом носке и оттертой от пыли кроссовке. – Вот, даже башмаки начистил...

– А космы твои все равно чудовищны, – сообщила Генриетта Глебовна. – Не мальчик, а швабра.

– Мы зайдем по дороге в парикмахерскую, – примирительно пообещал я.

Сашка взвился на одной ноге.

– Ёшкин свет! Мы так не договаривались! Этого в контракте нету!

– Да ты что? По контракту только стрижешься? – изумилась Генриетта Глебовна.

– Я в парикмахерские вообще не хожу! Только мама стрижет или знакомая тетя Ира... Потому что в парикмахерских кресла почти как у зубных врачей. Меня там жуть берет.

– И не стыдно?

– Стыдно, – сокрушенно сказал Сашка. – Но зубных врачей все равно боюсь. И вообще всяких... Это у меня врожденное.

– Дурость у тебя врожденная, – решила Генриетта Глебовна. – Ну ладно. Давай я сама тебя подстригу. Я хотя тоже медик, но без кресла... Надеюсь, не сбежишь?

– От вас разве сбежишь, – вздохнул он.

Генриетта Глебовна усадила Сашку на табурет, укутала ему плечи полотенцем. Достала из комода ножницы – блестящие и большие, как вчера на празднике у костра.

– Зубчиками его, – усмехнулся я.

– Только не коротко, – предупредил Сашка.

Ножницы засверкали, зазвякали. Сашкины космы посыпались на полотенце и на костюм. Они были почти одного цвета с льняной тканью. Сашкина шея постепенно открывалась, показывая резкую разницу между загаром и белой оголившейся кожей. Эта беззащитная белизна тоненькой шеи моего проводника вдруг вызвала у меня щемящее беспокойство: он же совсем цыпленок! Я сам еле ноги таскаю, а если в пути что-то случится с мальчишкой?

Но я прогнал тревогу. Все равно отказываться было поздно.

После стрижки Сашка покрутился перед зеркалом и с удовольствием заметил:

– Хорошо, что уши прикрытые остались. А то обгорят и кожа слезет... Спасибо, Генриетта Глебовна!

4. Чиб

На рынке и правда оказался неплохой книжный ряд. И все же ничего особо интересного я там не нашел. Повертел в руках сытинское издание «Трех мушкетеров» со множеством иллюстраций и отложил. Во-первых, владелец – бородатый юноша в очках – заломил полторы сотни. Во-вторых, кто-то маленький и грустный внутри меня напомнил: «Зачем тебе? Куда?»

И мы с Сашкой пошли бродить по рынку. Купили пучок петушков на палочках, я презрел условности и смачно сосал их на ходу. А Сашки условности вообще не касались...

Овощей было мало – самое начало лета. Зато от цветов рынок просто ломился: груды тепличных георгинов, гвоздик, пионов, гордые хвосты гладиолусов, шапки незабудок, великолепные охапки сирени возвышались над оцинкованными ведрами. И еще – букеты веток с бледно-лиловыми квадратными колокольчиками. Сашка сказал, что они называются «кабинетки».

Потом пошли мы в ряды, где тетушки торговали расписными кухонными досками, березовыми туесками, скалками, детскими лопатками, глиняными лупоглазыми кошками, вязаными шапками и шкатулками с узором из соломы. Я загляделся на ларец с разноцветными неземными птицами на лаковой крышке. Сашка отошел, затем вернулся и затеребил меня за рукав:

– Игорь Петрович! Можете мне дать четыре рубля? А то я деньги в тех штанах оставил, в кармане. Вернемся, и я отдам...

– А что такое?

– Ну, так... одна вещь.

Я пошел с Сашкой. На дощатом прилавке были разложены тряпичные пестрые куклы: красавицы в пышных юбках, петрушки в колпаках с бубенчиками, бархатные зайчата, гномы с бородами из капроновых мочалок...

– Вот... – Сашка смущенно показал на клоуна в желто-оранжевом шелковом комбинезоне и алом колпаке. Лицо у клоуна было из мягкой резины, лукавое, с блестящими голубыми глазами. Он ими буквально следил за мной и за Сашкой. «Видимо, голова не самодельная, а фабричная», – мелькнуло у меня.

Сашка смотрел выжидательно и как-то жалобно. «Господи, совсем еще ребенок! А игрушка славная».

– Сашка, да я тебе подарю этого молодца!

– Ой, нет! – испугался он и насупился. – Так нельзя. Потому что он сбежал из дома и теперь будто в плену... А чтобы освободить, я должен сам его выкупить, такое правило...

Я не улыбнулся Сашкиной фантазии. В его возрасте я тоже умел хранить верность друзьям, сшитым из лоскутков.

– Вот тебе четыре рубля.

Сашка обрадованно выкупил пленника и прижал к животу.

– Это Чиб... У, бродяга, будешь знать, как сбегать, не вычислив развертку... – И щелкнул клоуна по резиновому носу.

Дальше мы так и ходили с Чибой. И Сашка, видимо, ничуть не боялся, что кто-то захихикает над большим мальчиком с куклой.

Мы зашли в музей. Сашка о чем-то тихо поговорил с седой смотрительницей, и она открыла нам дверь запасника.

– Только осторожнее, пожалуйста. Ничего не трогайте, это – *нездешние* вещи.

И мы пошли по гулкому помещению, разглядывая портреты воевод с удивительно живыми лицами, громадные книги с непонятным и меняющимся на глазах шрифтом, обломок летающей тарелки с негаснущей капелькой сигнального фонарика. Было здесь еще темное зеркало, в котором отражения вели себя странно, отказывались повторить гримасы, а Сашка

в первые пять секунд отразился в нем, одетый в прежний урезанно-школьный костюм и при этом не с Чибой, а с рыжим котенком на руках.

В отдельной витрине лежала суковатая кривая палка. Если верить надписи, это была клюка бабки Дар-Овражки, много лет назад морочившей голову местному суеверному населению...

После музея мы пообедали в столовой «Три апельсина», потом заглянули в две книжные лавки, не усмотрели в них ничего достойного внимания и посетили маленький видеосалон. Там шли старые фильмы с Чарли Чаплином, и Сашка хохотал от души. Я тоже. По-моему, и Чибя веселился – всплескивал ручками и улыбался...

Я хотел вернуться на рынок, чтобы купить букет для Генриетты Глебовны. Сашка, однако, напомнил, что после полудня путь к рынку закрыт и вместо него мы, хочешь не хочешь, попадем на обширную городскую свалку.

– Там тоже интересно, только цветов не бывает.

Букет мы купили у старушки на углу Заречной и Луговой. Алые гладиолусы. Генриетта Глебовна была весьма тронута, но отругала нас за то, что пообедали в столовой. Пришлось обедать еще раз. После чего я сказал, что сейчас улягусь с книгами на кровать и не тронусь с места до вечера, пускай пространство хоть наизнанку выворачивается. И Сашка попросил:

– Игорь Петрович, можно я тогда пойду поиграть с теми ребятами на пустыре?

– Только не до темноты, – заявила Генриетта Глебовна.

– Ага... Не совсем до темноты.

Он переоделся в жилетку и «зубчатые» штаны, оставил Чибю на подоконнике, показал ему кулак и умчался... И вернулся, как накануне, в сумерках.

Глава 4. Сундук

1. Лампочка за окном

Генриетта Глебовна дала нам на ужин молока с магазинными ватрушками.

– Извините, ничего не приготовила. Спешу на ночное дежурство, там, кажется, будет очень интересное дело...

Она ушла.

– Ну что, Сашка, будем укладываться? – Меня тянуло в сон.

– Ага. Только кружки помою.

– Давай уж тогда вместе...

– А чего тут делать вместе-то? Вы идите ложитесь...

В нашей комнате я вытащил из «сидора» японскую пижаму с дурацкими павлинами и цветами, но легонькую, шелковую. Облачился и залез под одеяло. И вмиг уснул.

Но сон не был спокойным. Сразу привиделся полужнакомый вечерний город, названия которого я не помнил, но знал, что где-то в нем есть чудесная букинистическая лавка. И я искал эту лавку, причем пробирался запутанными переулками, спускался по каменным лестницам в какие-то трущобы, блуждал по укрытым в чертополохе тропинкам, оказывался на освещенных рекламами площадях. Ехал на открытых трясущихся трамвайчиках, ловил такси... Лавка пряталась в улочке за темным готическим собором – я это помнил, – но улочек таких было множество, и каждый раз я попадал то в аптеку с заспиртованными в банках ящерицами, то в бакалейный магазинчик, где пахло ванилью, то в подозрительный притон... Поиски затягивались, а я ведь обещал маме быть у нее не позднее десяти часов. Надо было хотя бы позвонить, что задерживаюсь. Телефонные будки попадались на каждом шагу, но аппараты, конечно, не работали: то диск выломан, то трубки нет... А в одной будке висел вообще не аппарат, а старый деревенский рукомойник и табличка с надписью: «Одно умывание – 10 коп.». Я послушно сунул в щелку гривенник, но воды в рукомойнике не оказалось, из него вылез рыжий таракан и насмешливо зашевелил усами-антеннами...

Наконец я нашел телефон, который откликнулся гудком. Но диск срывался, скрипел, а потом я сообразил, что набираю не тот номер – не мамин, а журнала «Заря». На этом сон рассеялся. Опять я не дозвонился. Как и в прошлых снах...

Я открыл глаза. Лампа в комнате была выключена, но за окном, на столбе у обрыва, горела белая колючая лампочка под алюминиевым отражателем. Раньше я ее не видел, не включали, наверно. Света в комнате хватало, я разглядел Сашку. Он сидел на раскладушке, обхватив колени, и смотрел перед собой.

– Не спится?

– Ага...

– Может, задернуть шторку?

– Вам мешает свет? – беспокойно спросил он.

– Нет. Я думал, тебе...

– Я на картину смотрю... Я и раньше на нее смотрел, а сейчас она какая-то... особенная...

Лампочка хорошо высвечивала холст в раме. Оковки на сундучке сверкали как настоящие, волосы у мальчика золотились. И мне даже показалось, что Андрюс, ощутив мой взгляд, чуть шевельнулся – словно оглянуться хотел.

Сашка вдруг заговорил:

– Как живой. Волосы будто шевелятся. И руки вздрагивают, устал держать крышку-то... Надо было стул подставить, а потом уж открывать.

Ну прямо мои мысли угадал! Я сказал:

– По-моему, он на тебя похож.

– Да? – как-то ревниво отозвался Сашка.

– Такой же светлый. И обросший, как ты недавно...

Сашка почему-то вздохнул:

– Бывает, что волосы похожи, а лицо – ничуть...

– Ну... если тебе интересно, давай спросим у Генриетты Глебовны, нет ли фотографии.

Это ведь ее двоюродный брат изображен.

– Правда? – обрадовался Сашка. – Значит, эта картина – документальная?

– Можно, наверно, и так выразиться... В общем, с натуры.

Сашка подумал.

– Нет, не надо фотографию. Так интереснее... Можно думать, что и правда похож...

«А зачем это тебе?» – чуть не сказал я. Но сдержался. Мало ли какие тайны у мальчишки...

Он спросил:

– Когда же это рисовали-то? Она ведь совсем старая, Генриетта Глебовна. Значит, и брат...

– Кажется, в тринадцатом году, еще до Первой мировой...

– Ёшкин свет! Вот это древность...

Конечно, для него картина была древностью. Впрочем, даже мне в мальчишечьи годы все, что было до революции, казалось глубокой стариной. И если бы я знал в то время, что картина написана в начале века, тоже смотрел бы на нее, как на музейное полотно. Только я не знал тогда... Я сказал:

– А для меня в детстве этот мальчик был чуть ли не соседом со двора. Одежда такая тогда еще не выглядела старомодной, разве что ботинки с кнопками. Да волосы... В наши годы мальчиков стригли коротко. Но все равно в те времена Андрюс казался мне одноклассником...

– А что за имя такое – Андрюс?

– Он литовец. Но это я только сегодня узнал. А тогда называл его про себя Владиком...

– А вы, значит, бывали здесь, когда еще маленький были?

– Бывал – не бывал... – Меня будто за язык дернули. А впрочем, с кем еще поговорить об этом? – До сих пор, Сашка, не знаю... Сложная это штука – явления отраженного мира.

– Что-что? – сказал Сашка. Быстро лег, оперся локтем о подушку, уставился на меня.

2. Отраженный мир

Сашкино лицо было в тени, но я видел, что глаза его сильно блестят.

– Что за явления отраженного мира?

– Видишь ли... Сперва мне казалось, что я придумал их сам...

– Когда книжки сочиняли? – понимающе сказал Сашка.

– Ну... и когда «сочинял», как ты выражаешься. И вообще... Это постоянно складывалось. И я считал, что все это – моя выдумка, пока не наткнулся на одну книгу... Пухлая такая, в коричневой обшарпанной коже, с ворсистой бумагой. Конец восемнадцатого века. «Первое рассмотрение свойств трехмерного зеркала. Сочинение господина Альфреда де Ришелье, перевод с французского»... Да, такой вот автор. Может, родственник знаменитого врага мушкетеров... Начал я эту книгу просматривать – и глаза на лоб: неужели еще тогда люди всерьез об этом рассуждали? О том, что мне казалось фантастикой... Но долго читать мне не дали, магазин закрывался.

– А, значит, вы ее не в библиотеке увидели!

– В лавочке со старинными книгами, в Вильнюсе... Стоила книга ни много ни мало две сотни...

– Ёшкин свет!

– Что поделаешь, антиквариат... Денег у меня с собой не было. Я договорился, что приеду на следующее утро. И... вот ведь чертовщина! – не смог потом отыскать этот магазин в запутанных средневековых улочках, там с непривычки легко заплутать... Будто кто-то нарочно уводил меня от этой книги. Знаешь, как здесь говорят: «Бабка Дар-Овражка водит...»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.